

Карло Гинзбург

Моя микроистория¹

Для меня большая радость и большая честь быть сегодня здесь. Простите, что не говорю по-русски, — к сожалению, этого языка я не знаю. Мое выступление будет кратким, т.к. для меня предпочтительней ответить на Ваши вопросы. Мне кажется, что то общее, что есть между вашими и моими исследованиями, даст много поводов для обсуждения. Я с большим интересом просмотрел выпуски альманаха «Казус», издающегося в этом Институте, и уверен, что видение микроистории русскими исследователями отлично от ее интерпретации итальянскими историками, и поэтому для них интересно. Я скажу несколько слов о микроистории, но должен заметить, что не связываю свою работу исключительно с данным направлением.

Итальянская микроистория была коллективным проектом. Но этот термин — «коллективный» - вовсе не означает «спланированный». Это было спонтанное совпадение интересов исследователей, занимавшихся весьма различными темами. Что до моих отношений с микроисторией — таким манером они развивались у меня одного.

Я начал свой путь в науке, занимаясь исследованием ведовских процессов. Это случилось в начале 60-х гг., и с тех пор прошло уже много времени. Тогда изучать ведовство было, скорее, уделом антрополога, нежели историка. Более того, с самого начала меня интересовало не только и не столько изучение самого преследования ведовства, сколько попытка воссоздать социальное положение и, возможно, модели поведения мужчин и женщин, обвиненных в колдовстве. Поэтому для меня речь шла, в первую очередь, о реконструкции культурной среды на основе судебных материалов. Этот выбор навсегда определил круг моих интересов как исследователя: не потому, что я продолжал заниматься изучением ведовских процессов, а потому что методологические проблемы, связанные с этим выбором, стали теми проблемами, над которыми я продолжал размышлять и позже, над которыми я размышляю до сих пор.

---

¹ Встреча с Карло Гинзбургом, профессором Калифорнийского и Болонского университетов, одним из крупнейших представителей итальянской школы микроистории, состоялась в Институте всеобщей истории

Подход к этому историческому исследованию был определен соотношением между моим изначальным интересом и источниками, которыми я располагал. В тот момент у меня было ощущение некоторой своей собственной обособленности от остального научного сообщества, которое, однако, только побуждало меня к дальнейшим действиям. Мне кажется, что подобного рода обособленность обладает рядом преимуществ и необязательно негативна. Во мне не было никакого стремления вливаться в общие ряды. Такое не совсем нормальное положение, каковым оно представлялось мне тогда, отразилось в какой-то степени на выборе как источников, так и проблем, которыми я хотел заниматься. Впрочем, в том, что я говорю сейчас, есть одно существенное искажение. Если теперь смотреть на ту ситуацию, покажется, что в ней была некая внутренняя логика, мною тогда не осознававшаяся. Но я не доверяю автобиографиям, включая мою собственную, т.к. не разделяю убежденности в изначальной осмысленности всех процессов.

В самом начале я двигался вслепую, руководствуясь только моими интересами которые можно считать вполне нормальными для молодого итальянского историка левых взглядов в 60-ые гг. Я стал заниматься изучением ведовских процессов, видя в них примитивную форму классовой борьбы. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется занятным, что исходя из своей первоначальной постановки вопроса, я нашел-таки подтверждение своим гипотезам, но это показалось мне уже недостаточным. То была моя первая научная работа, и в скором времени она выйдет на русском языке в сборнике моих статей². Она была посвящена изучению одного ведовского процесса по источникам, обнаруженным мной в архиве г. Модены, располагающем значительным фондом документов инквизиции. На процессе, которым я занимался, в колдовстве была обвинена одна крестьянка. В 1519 г. она попала в руки инквизиции по обвинению в том, что наслала порчу на хозяйку, которая перед тем согнала её с занимаемого ею участка земли. Хозяйка вскоре заболела и посчитала себя околдованной. Обвинение выдвигалось как против крестьянки, так и против её мужа. В данном случае мое

РАН 24 ноября 2003 г. Текст выступления, а также ответы на многочисленные вопросы аудитории публикуются с любезного разрешения автора. Заглавие дано редакцией (здесь и далее – *прим. ред.*).

² Речь идет о статье «Колдовство и народная набожность. Заметки об одном инквизиционном процессе 1519 года» из сборника: *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М., 2004. С. 19-50. Впервые опубликована: *Ginzburg C.* Stregoneria e pietà popolare: Note a proposito di un processo modenese del 1519 // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Lettere, storia e filosofia.* 1961. Serie II. Vol. 30. P. 269-287.

предположение подтверждалось. Ведовство могло быть рассмотрено как примитивная форма классовой борьбы: эта крестьянская пара подверглась преследованию, потому что они повели себя враждебно по отношению к хозяйке, согнавшей их. Однако в этом процессе обнаружилось и нечто иное, совершенно для меня неожиданное.

Мне было приятно прочесть на последней странице альманаха «Казус» в его девизе фразу «Не столько привычное, сколько неожиданное». Это высказывание можно считать микроманифестом микроистории. Итак, что же было неожиданного в том процессе? Инквизитора звали Бартоломео да Пиза. Тогда я еще не был уверен, идет ли речь о знаменитом демонологе, авторе трактата о ведовстве, и не стал ничего утверждать, но на самом деле это был именно он. Инквизитор выслушал признание крестьянки и начал задавать ей вопросы. Она утверждала, что наслала порчу на хозяйку, потому что ей явилась Мадонна. Женщина описывала своё видение, и ее описание было совершенно замечательным. Мадонна предстала перед ней, цветущая и румяная, и сказала: «Ты должна наслать порчу на хозяйку, что выгнала тебя». Инквизитор же спросил: «А это была точно Мадонна?». Так он, искусно жонглируя вопросами, начал свою игру, в ходе которой ему удалось убедить крестьянку, что ей привиделась не Мадонна, а Дьявол. И тут мы наблюдаем, как образ полностью меняется, точно как в фильме Сергея Эйзенштейна «Стачка», когда в самый напряженный момент информаторы полиции превращаются в животных, на которых внешне похожи. Точно так же лик Мадонны оборачивается гримасой Дьявола. Крестьянку допрашивали и в какой-то момент стали пытаться. Инквизитор искал способ заставить её рассказать о том, как она участвовала в шабаше, но женщина даже после пыток ни в чем не призналась.

Этот неожиданный момент, на который я натолкнулся, занимаясь данным процессом, показался мне гораздо более интересным, чем подтверждение моих первоначальных гипотез. Моё исследование получило название «Колдовство и народная набожность», и именно эту последнюю составляющую в нем я стремился подчеркнуть. В заключении к статье я предложил небольшое итоговое рассуждение, в котором наметил дальнейшие перспективы для своих исследований. Это был своего рода вызов. Почему? Я рассуждал так. В данном

процессе мы наблюдаем столкновение двух культур, культуры инквизитора и культуры крестьянки, причем со стороны инквизитора явно прослеживается попытка навязать свою культуру, но попытка эта проваливается. В конце статьи я предлагал рассматривать этот случай как феномен совершенно уникальный и выходящий за пределы нормы, хотя и заключающем при этом в себе то общее, что было свойственно всем ведовским процессам. То есть я предлагал подход, который основывался бы больше на *аномальном*, чем на обыденном. Речь шла не о том, чтобы изучать аномальное как таковое, а о попытке исследовать и реконструировать на базе аномальных явлений явления более общие и не лежащие на поверхности. Исследование казуса таким образом рассматривалось не как цель, а как средство исторического познания.

Этот текст был опубликован в 1961 г., говорить же о микроистории начали лет двадцать спустя. Однако обо мне упомянул в своей статье Эдуардо Гренди (я видел, что одна из его работ напечатана в альманахе «Казус»³). Гренди писал о «нормальном исключительном» - парадоксальное утверждение, согласно которому возможно исследовать то, что скрыто и обыденно (например, в социальных отношениях), на материале того, что выходит за рамки привычного с документальной точки зрения.

Я мог бы рассказать Вам об этой моей статье как о моем пути к микроистории, рассказать в манере более помпезной, но меня это совсем не прельщает. Все люди, которые были вовлечены в этот коллективный процесс, нашли свой собственный путь. Мне самому симпатичнее спонтанность, чем запланированность. Я верю в спонтанность этого совпадения, в его случайность, но в то же время я мог бы спросить у того, кто занимается данной проблемой, почему имело место такое совпадение, почему оно стало возможным. По сути это уже другой разговор, и я бы хотел здесь закончить.

ДИСКУССИЯ

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать о Ваших последних работах?

---

³ Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996. Вып. 1. М., 1997. С. 291-302.

К. Г.: Те лекции, с которыми я намерен выступить в Москве, не связаны с двумя моими последними книгами, которые только готовятся к публикации⁴. Одна из них выйдет на турецком - вряд ли можно назвать этот язык легким для чтения. Существует также некий проект, скорее даже пока только его замысел. Во всяком случае, я могу сказать несколько слов о нем, хотя мне бы не хотелось забегать вперед, т.к. об этом будет говориться на других моих лекциях. Возможно, имеет смысл поговорить об общей постановке проблемы, не затрагивая само исследование.

Микроистория получила интернациональный отклик, о чем свидетельствует, в частности, и альманах «Казус». Мне представляется интересным, что в своем восприятии микроистории каждая национальная историографическая школа выработала свою, отличную от других модель. Я беседовал о микроистории и с мексиканскими исследователями и студентами, и с историками из Исландии. Интернациональный интерес к микроистории мне кажется не только очевидным, но и заслуживающим того, чтобы стать предметом анализа. Я могу поговорить и об этом, но сейчас мне бы хотелось обратиться к другой теме. Восприятие микроистории во Франции во многом отлично от того, как ее воспринимают в США. Во Франции, как мне кажется, всячески подчеркивается наличие диалога между микроисторией и социальной историей, а также общественными науками в целом. Главным образом это касается сборника Жака Ревеля «Игры с масштабами»⁵. В США же на первом плане оказываются те возможности, которые открывает микроистория для написания исторического исследования, и те особенности самой микроистории, которые, на мой взгляд, излишне педалируются и которые сводят ее содержание к почти анекдотическому. По причинам, о которых можно было бы много говорить, но я не хочу на этом останавливаться сейчас, мои работы во Франции, безусловно, остались на периферии этой дискуссии, тогда как в США, напротив, сыграли в ней ключевую роль. Во Франции, где переведены почти все мои книги, не склонны считать меня представителем микроисторического направления в истории, в Америке же рассматривают чуть ли не в качестве отца-основателя микроистории, что неверно.

---

⁴ К.Гинзбург прочитал две лекции в ноябре 2003 г. в Российском Государственном Гуманитарном Университете. Одна из них опубликована: *Гинзбург К.* Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // Новое литературное обозрение. 2004. № 1. С. 18-34.

Все это совсем неинтересно, если только не видеть здесь показательный пример определенной дивергенции в восприятии микроистории. Подобное расхождение возникает перед нами снова и снова, расхождение между микроисторией, ориентированной на общественные науки, и микроисторией, ориентированной на историю культуры. На мой взгляд, эта дивергенция не имеет большого смысла. В своем новом проекте мне как раз хотелось бы ее преодолеть, показав, что разделение микроистории на социальную и культурную (назовем их так) абсолютно искусственно.

Вопрос: При всем разнообразии затронутых Вами тем, какие из них для Вас были наиболее интересны? Как Вы сами представляете себя как исследователя?

К.Г.: Действительно, мне нравилось работать над весьма различными темами. Причины этого также разнообразны. Прежде всего у меня есть ощущение, что, переступив через определенную черту, я начинаю понимать все меньше и меньше. Дело в том, что мне приходилось встречать как ученых, которые были совершенно выдающимися исследователями, но также и тех, которые уже давным-давно стали повторяться. Последнее мне совершенно не нравится и глубоко огорчает. Несколько лет назад я написал статью, в которой говорилось о радости «незнания»⁶. Есть мгновение, когда ты только начинаешь работать над темой, о которой еще ничего не знаешь. Для меня это мгновение представляется исключительным. Речь идет, конечно же, о радости, связанной не с незнанием как таковым, но с возможностью перейти от абсолютного незнания к меньшему незнанию, т.е. процесс постижения представляется мне гораздо более воодушевляющим, чем само знание. Я не могу утверждать, что мое движение от одной темы к другой, от одного периода к другому принесло благие плоды, не мне давать оценку тому, что я написал. Но могу сказать, что это блуждание было реакцией на самые неожиданные импульсы.

Какие темы меня более всего волнуют? Те, которые ждут меня впереди, те, над которыми я только собираюсь работать, потому что они мне еще недостаточно известны. Сегодня я имел возможность поговорить о моем старом исследовании, посвященном крестьянке из Модены. Эта история когда-то меня

---

⁵ Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience / Textes rassemblés et présentés par J.Revel. P., 1996.

⁶ О радости «незнания» у Гинзбурга см. также: Козлов С. «Определенный способ заниматься наукой»: Карло Гинзбург и традиция // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М., 2004. С. 324.

очень волновала, продолжает волновать и сейчас, но это уже отработанный материал. Меня больше волнуют другие истории, те, что я только пытаюсь понять, те темы, о которых я собираюсь рассказывать здесь, в Москве.

Как я смотрю на себя сам? Как на человека, который пытается что-то узнать.

Вопрос: Не должно ли любое историческое исследование сопровождаться определенной рефлексией по поводу метода? Не кажется ли Вам, что каждый исследователь, который занимается чем-то новым в науке, оказывается в своего рода изоляции? Вы говорите, что не доверяете телеологии, но что же именно за этим кроется: неверие в осмысленность самого исторического процесса или недоверие к разного рода макроисторическим схемам? И последний вопрос, касающийся непосредственно микроистории: не является ли разделение исторической науки на столь большое количество различных направлений несколько искусственным? Ведь в последнее время многие научные исследования посвящены изучению неожиданного, и принадлежность той или иной работы к определенному направлению подчас зависит только от личности самого историка?

К.Г.: Спасибо за столь интересные вопросы. На два из них можно ответить довольно кратко, два других требуют более развернутого ответа. Что касается вопроса об изоляции историка, я попробую ответить на него, когда буду отвечать на последний.

Я абсолютно согласен с тем, что историческое исследование должно сопровождаться некоей рефлексией на тему метода. Для меня примером того, как следует соединять изучение конкретной проблемы с рассуждениями о методе, было творчество Марка Блока.

Теперь давайте поговорим о телеологии, это наиболее сложный вопрос. Я полагаю, что мы должны разделять своего рода макротелеологию и микротелеологию, должны отличать телеологию как элемент, действительно внутренне связанный с самим процессом, от телеологии как чего-то, навязанного извне. Мое несколько враждебное отмежевание от телеологии вовсе не означает, что я намерен был отрицать присутствие некоего замысла в истории. Проект, над которым я сейчас работаю, проект в рамках микроистории, связан как раз с попыткой понять значение осознанного человеческого действия в историческом

процессе. С одной стороны, нам не следует забывать о соотношении между намерениями отдельной личности и общим результатом. С другой же, — мы должны принимать во внимание то, каким образом сам человек оценивает свои собственные намерения в прошлом. Начнем с первого, т.е. с соотношения между стремлениями отдельной личности и совокупным результатом. Эта проблема была поставлена еще Джамбаттиста Вико, а впоследствии разрабатывалась Гегелем и Марксом. Она связана с вопросом о степени ухищренности человеческого разума, о его способности рождать совершенные идеи. Люди пытаются сделать что-то одно, а выходит что-то совершенно иное. Это происходит как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Мне кажется, что человек, отрицающий этот факт, обречен на то, чтобы ничего не понимать в истории. Конечно же, это лишь означает, что намерения редко приводят или даже, возможно, никогда не приводят к тем результатам, которые ожидались самим человеком. Одной из книг, в которой есть рассуждения на эту тему и которая имела для меня большое значение, как и для многих причитавших ее, — «Война и мир» Л.Толстого. В ней есть диалог с де Местром, над которым стоило бы еще поразмышлять.

Существует и другая проблема — это стремление (к которому склонен всякий, в том числе и я) ретроспективно воссоздавать свое прошлое. Порой телеология — не более чем результат ретроспективной иллюзии. Я считаю, что этому нужно противодействовать. Необходимо, как говорил Люсьен Февр, «давать точную датировку», реконструировать, каким был кругозор автора в каждый определенный момент, следовать за его манерой «идти на ощупь», о которой я говорил раньше. «Я считал, что делаю одно, а на самом деле сделал другое» — так происходит со всеми, не только с отдельными индивидами, но и с группами людей — религиозными орденами, партиями, целыми государствами, и, конечно же, с историками.

Я хочу добавить вот еще что. Существует различие между телеологией как содержанием самого процесса и телеологией, привнесенной извне. Когда Маркс и Энгельс говорили о триумфе буржуазии в XIX в., они имели в виду процесс, который мы наблюдаем до сих пор. Так называемая глобализация началась не сегодня и не вчера. В данном случае можно говорить о телеологии. Я не уверен, стоит ли придавать греческому термину «telos» значение сознательно

установленной цели, но мы говорим о самой возможности рассматривать исторический процесс как нечто, имеющее определенную структуру. Я полагаю, что существует своего рода внутренняя телеология, своего рода смысл процесса.

С Вашим последним вопросом я согласен. Я никогда не интересовался, ибо не считал это интересным, ярлыками, которые навешивает историография. Ярлык «микроистория» не говорит почти ничего. Необходимо понимать, что именно делается в рамках микроистории или любого другого проекта. Я думаю, что изучение *неожиданного* могло бы стать общей характеристикой для многих исследований, однако полагаю, что в микроистории существует особый подход к отношению между аномалией и парадигмой. В данном случае отсылаю Вас к книге Томаса Куна «Структура научных революций»⁷. Мне кажется, что сама готовность заниматься необычным больше, чем обычными явлениями, характеризует не всех историков, но является важным свойством микроистории. Я полагаю, что в этом заключалось специфическое отличие микроистории, и, прежде всего, итальянской микроистории. В 1979 г. мы с моим другом, историком Карло Пони, написали статью, в которой предложили своего рода программу микроистории⁸. В этой статье, очень небольшой по объему, была фраза, в которой мы связывали интерес к микроистории с сомнениями в возможностях макроисторических исследований явлений огромной важности, таких как, например, существование социализма или автоматического обновления капитализма. В тот момент микроистория была проектом, который рождался из глубоких сомнений, глубоких разочарований в макроисторических процессах. Что же касается меня, именно так родилось мое стремление к неожиданному, необычному - из глубокой неудовлетворенности глобальными макроисторическими схемами. Мне не кажется, что микроисторический подход будет актуален всегда, он тесно связан с возникшим *тогда* протестом.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, в чем Вы видите будущее микроистории?

К.Г.: Я полагаю, что будущее микроистории может заключаться только в диалоге, порой даже полемическом, с другими историографическими

---

⁷ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962 (3 ed. – Chicago, 1998). Русский перевод: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

⁸ Ginzburg C., Poni C. Il nome e il come: scambio inegale e mercato storiografico // Quaderni storici. 1979. № 40. P. 181-190. Английский вариант статьи: Ginzburg C., Poni C. The Name and the Game: Unequal Exchange and

направлениями. Было бы абсурдно полагать, что в микроистории есть претензия на собственную всеобъемность. Я полагаю, что она не сможет обосновать свою легитимность, опираясь лишь на программные заявления, это возможно только на основе достигнутых результатов.

Вопрос: Какова, на Ваш взгляд, связь, если она вообще существует, между микроисторией и постмодернизмом?

К.Г.: Да, эта связь существует. Я полагаю, что она существует. На мой взгляд, это полемические взаимоотношения. Однако подобное разделение не столь однозначно. Например, я обнаружил, что меня порой причисляют к историкам-постмодернистам, и потратил много сил, чтобы объяснить, что же именно представляется мне неприемлемым в так называемом постмодернизме. В связи с этим мне бы хотелось вернуться к «микропрограмме» микроистории, которую я нашел в альманахе «Казус». Прежде я говорил о том, с чем согласен, сейчас же мне бы хотелось остановиться на том, с чем я не согласен. В этой программе написано: «У нас свой взгляд на историю», и в самом конце: «Не столько описываемое историком, сколько создаваемое им». Т.о. речь идет о столкновении между тем, что документально доказано историком, и тем, что им создано. Мне термин «созданное» представляется слишком двусмысленным и даже, я бы сказал, опасным. Мы все знаем, что одних лишь документов недостаточно, чтобы написать историческое исследование, и, несомненно, в истории, как в любом другом научном исследовании, присутствует элемент конструирования, но этот элемент сопровождается элементом реконструкции. Идея, что историк может *создавать* что-то, представляется мне неверной. Мы знаем, что, используя одни и те же источники, можно написать достаточно разные исторические исследования, но использовать этот избитый факт как аргумент в пользу скептицизма мне представляется неверным. Существует элемент *создания*, но это конструирование возможно лишь вместе с реконструкцией, т.е. *воссозданием*. Разумеется, это лишь повод для возможной дискуссии, а не окончательное утверждение.

Вопрос: Развивая эту же тему, ответьте, пожалуйста, является ли Ваша книга «Ночная история» исследованием сконструированным или строго

документированным? Эту Вашу работу встретили неоднозначно. Скажите, изменилось ли сейчас Ваше мнение о ней?⁹

К.Г.: Я помню, что были историки, например, Робер Мушамбле, которые не приняли «Ночную историю», которых она шокировала, но были и такие, кто посчитал эту книгу значимой. Я лично не считаю «Ночную историю» исследованием, построенным сугубо на документах, однако это отдельная тема. Мне такая неоднозначность оценок представляется нормальной для любого исследования, которое не является повторением того, что уже известно. Подобная реакция естественна, её даже стоило ожидать в отношении книги, которая откровенно выходит за пределы нормы, и я первый готов признать это. Активная работа над этим исследованием продолжалась более пятнадцати лет, и эти пятнадцать лет были затрачены не для того, чтобы кого-то шокировать. Безусловно, усилия, которые я приложил, ничего не говорят о качестве результата, однако, этот результат заслуживает отдельного разговора.

Я скажу пару слов об этой книге, которая знакома тому, кто задал этот вопрос, но другие могут о ней и не знать. Данное исследование родилось из одного необычного вопроса, возникшего в ходе работы над моей первой книгой, называвшейся «Бенанданти»¹⁰. Я обнаружил одно странное тайное общество «ведьм» и «колдунов» в северо-восточной Италии конца XVI—XVII в. Это были мужчины и женщины, утверждавшие, что собираются по ночам, потому что «родились в рубашке». Инквизиторы пытались убедить «бенанданти» в том, что они - колдуны, те же продолжали настаивать, что на самом деле они борются с ведьмами и колдунами за урожай на своих полях. Т.е. я нашел или мне показалось, что нашел в ведовских процессах во Фриуле, не похожих по содержанию, но близких по форме с процессом в Модене, о котором говорил в самом начале, то же самое столкновение двух культур. Выпуская книгу о «бенанданти», о фриульских борцах с ведьмами, я написал в предисловии, что, на мой взгляд, можно провести аналогию между «бенанданти» и шаманами. И даже утверждал (что, оглядываясь назад, мне кажется удивительным), что связь эта не является простым сходством и

---

⁹ Речь идет о книге: *Ginzburg C. Storia notturna. Una decifrazione del sabba*. Torino, 1989. Эта работа переведена на все основные европейские языки: *Ginzburg C. Hexensabbat: Entzifferung einer nächtlichen Geschichte*. Berlin, 1990; *Idem. Le sabbat des sorcières*. P., 1992; *Idem. Ecstasies: Deciphering the Witches' Sabbath*. L.;N.-Y., 1992.

¹⁰ *Ginzburg C. I benandanti. Ricerche sulla stregoneria e sui culti agrari tra Cinquecento e Seicento*. Torino, 1966.

требует внести поправки в историю. Вопрос о возможной связи между фриульскими «бенанданти» и сибирскими шаманами, по моему мнению, не мог быть поставлен в рамках строгого академического исследования. Точного ответа на этот вопрос я не знал. Тем не менее, он возник, и не замечать его я не мог: уж коли случай свел меня с «бенанданти», я должен был попытаться на этот вопрос ответить. Мне казалось, что вся моя жизнь как исследователя окажется несостоятельной, если я не попытаюсь этого сделать. Однако после более чем пятнадцати лет поиска я начал осознавать, что найденное решение вполне может оказаться провалом в моей научной карьере. Помню, как много раз я спрашивал самого себя, что предпочту – скромный успех или громкий провал. И мой ответ был всегда – конечно же, громкий успех. Возможно, эта книга - маленький провал или грандиозный провал, грандиозная победа или маленькая победа. Этого я не знаю. Знаю лишь, что это книга, которую я написал. Форма ее была задана самим исследовательским вопросом, источниками и, в большей степени, пределами моей собственной подготовки. Книга, начинавшаяся как историческое исследование, заканчивалась как исследование в области морфологии. Я прекрасно понимал, что работа такого рода не могла понравиться историкам. Но мне кажется, что стремиться понравиться всем – просто нелепо. Поэтому я доволен тем, что книга кому-то не нравится. Это ровным счетом ничего не говорит о ее качестве.

Однако, в связи с Вашим вопросом, мне бы хотелось остановиться еще на том, кто был для меня в то время «образцами для подражания», вернее, настоящими собеседниками. Это, конечно же, Владимир Пропп. Его книги имели для меня огромное значение. Возможно, здесь я должен немного исправить то, что сказал раньше. Пропп – морфолог, Пропп – исследователь сказки был для меня крайне важен, но также важен для меня Пропп, написавший «Исторические корни волшебной сказки» - книгу, полную изъянов, полную компромиссов, но не менее гениальную, чем та, другая его работа, ставшая гораздо более знаменитой¹¹. Диалог между этими двумя книгами, который Пропп так и не стал развивать, и есть наследство, оставленное им грядущим поколениям. Для меня этот потенциальный диалог стал очень важным источником для собственных научных толкований. Теперь Пропп всемирно известный ученый.

Но есть также другой исследователь, который, на мой взгляд, столь же гениален, но почти неизвестен за пределами России, да и в самой России, как мне говорили, известен мало – Соломон Лурье, замечательнейший архивист, написавший блестящую работу об Эдиповом мифе и обо всем связанном с ним комплексе мифов. Эта статья была опубликована в 1927 г. на немецком языке в сборнике в честь одного итальянского ученого, я не знаю, была ли она когда-нибудь издана на русском¹². Об этом исследовании Пропп упоминает в своей работе, посвященной Эдипу и изданной на итальянском¹³. Хотя точной ссылки на саму статью нет, для всех знакомых с творчеством Лурье намек абсолютно очевиден¹⁴. Подобную фигуру умолчания я для себя могу объяснить лишь соображениями политической осторожности. Работа Лурье абсолютно неисторична, это чисто морфологическое исследование. Мне оно показалось истинным вызовом историкам, поскольку, как мне кажется, историки должны постоянно принимать вызовы, брошенные извне. Сам формализм, великая русская школа формалистов мне представляются исключительным вызовом для исторической науки, которая должна пытаться сочетать исторические и неисторические методы самым неожиданным и противоречивым образом.

Вопрос: Ваш сюжет о «бенанданти» столь необычен, что кажется «созданным». Но скажите, пожалуйста, чем оправдана Ваша параллель между «бенанданти» и шаманами: общими принципами, моделями в основе развития различных культур вообще или, может быть, взаимодействием культур на глубинном уровне, которое существует, вне зависимости от того, знаем мы о нем или нет?

К.Г.: Я благодарен Вам за этот интересный вопрос, поскольку он позволяет мне прояснить еще раз мою позицию и подчеркнуть разницу, существующую между двумя этими явлениями и затрагивающую, скорее, психологическую сторону проблемы, нежели само историческое содержание. Я считаю, что в ответах, которые возникают очень быстро, существует определенная опасность.

---

¹¹ Имеются в виду две «классические» работы В.Я.Проппа – «Морфология волшебной сказки» (впервые опубликована в 1928 г.) и «Исторические корни волшебной сказки» (впервые опубликована в 1946 г.).

¹² Luria S. “Ton sou huion phrixōn” (Die Oidipussage und Verwandtes) // Raccolta di scritti in onore di Felice Ramogino. Milano, 1927. P. 289-314. Русский вариант этой статьи, по-видимому, никогда не публиковался.

¹³ Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 258-299.

¹⁴ Там же. С. 263: «Уже Лурье заметил, что в фольклоре пророчества всегда сбываются». Данная фраза действительно дается без отсылки к источнику.

Полагаю, что для исследования важно, чтобы вопрос оставался открытым на протяжении длительного времени, возможно, даже многих лет. Если бы я поспешил дать ответ на вопрос о возможном сходстве между «бенанданти» и шаманами, который отсылал бы к самой человеческой природе и к способности человеческой культуры принимать сходные формы в сходных условиях, то, полагаю, подобный ответ исказил бы как образ «бенанданти», так и образ шаманов. Я уверен, что существует нечто, именуемое «человеческой природой», и в «Ночной истории» я прямо пишу о том, что, пытаясь доказать ее отсутствие, я убедился в том, что она существует. Но общностью человеческой природы нельзя объяснить столь специфическое сходство. В той книге, которую я пытался написать, во внимание принимаются как общность человеческой природы, так и специфические особенности в ней. Мне кажется, что смысл соединения морфологии и истории именно в этом.

Перевод с итальянского Ксении Каземирэнко